

Джоффри двигался по улице, погруженный в мысли, и свернул в какой-то переулок. Он пришел к выводу, что значительную долю своего времени Нед тратил на поиски правды об отцовстве Джоффри, всякий раз, как появлялся в Королевской Гавани.

И не важно, спасал он Брана от увечья или нет - Нед всегда имел подозрения относительно его происхождения и всегда начинал поиски... так словно какая-то посторонняя сила подвигла его на это.

Особенно дрянная и гнилая сила, которая воняла слишком знакомо. Джоффри уже видел визиты Неда в бордели, где родились недавние бастарды Роберта, и было нетрудно связать все воедино, особенно учитывая монументальную бездарность Неда в интригах.

Старка осторожно вели, как марионетку, от одного незаконнорожденного ребенка к следующему, вели, оставляя следы и подсказки, чтобы наконец завести его в подземелье, а государство - в объятия Войны Пяти Королей. Незвестным оставалась лишь лицо кукольника. Очевидным вопросом было - Варис или Бейлиш?

Пицель наверное не подходил, учитывая то, как глубоко он сидел в кармане у Тайвина, хоть и был тайным агентом, а Серсея и Барристан, очевидно, не могли бы это придумать. Станнис решил покинуть игровую доску и сбежать на Драконий Камень... что на самом деле показывает неожиданно высокий уровень здравого смысла.

Остается еще Ренли, хм, интересный вариант...

Вот только он никогда не объявлял Джоффри или брата с сестрой бастардами. Привычной претензией от него было то, что никто не хотел марионетку Ланнистеров на троне, и что выбор между ним или Станнисом был очевидным. Было вероятно, что он и не знал правды.

Варис казался весьма вероятным виновником. Паук всегда держал карты прикрытыми, как будто и не делая шагов в политике и избегая открытых заговоров... что на самом деле означало полную противоположность.

Вот какой сложный вопрос - узнать где, и когда, а еще возможно - как...

Но где-то в глубине души Джоффри просто знал, что Мизинец стоит за этим всем. Все дело прямо воняло его присутствием.

Проклятый Бейлиш всегда в конце оказывался на одной стороне с Ланнистерами после каждой конфронтации в Тронном зале... ударяя Неду в спину и обеспечивая этим хаос и войну. Если он подстраивал течение событий таким образом, чтобы из-за благородства Неда не имел выбора, кроме отрицания преемственности, и одновременно выставлял себя перед Серсеей как устранитель проблемы, которую сам в одиночку и создавал...

Тогда он на самом деле должен был быть мощным игроком, который мог запускать цепочки событий, чтобы подняться на волне даже в эпицентре хаоса, благодаря помощи Золотых

Плащей, благодаря свадьбе с Маргери, благодаря всему, что случилось позже... Это все укладывалось в единую картину того, что Джоффри знал о говнюке. Был один быстрый способ узнать, действительно Бейлиш стоит за всем этим... но для этого нужен кто-то близкий к мастер-над-монетой, а не пешка, что выполняет черновую работу.

Он повернул к следующему переулку, где надел черной капюшон и замотал низ лица черным шарфом, ускорив шаг. Наконец он подбежал к стопке ящиков и запрыгнул на балкон, что свисал со стены маленького, однако солидного на вид дома. Сторож с арбалетом не имел времени даже на тревожный вскрик, как получил нож в гортань и упал на колени.

Джоффри отбросил умирающего в сторону и зашел в коридор, который быстро привел его к небольшому кабинету. Он открыл дверь и обнаружил знакомого обитателя дна столицы, который предоставлял отчет Хранителю Ключа, Дженету Уотерсу, пухлому мужчине, который носил на себе слишком много изысканной одежды для его должности... и состояния.

Глаза Джанета расширились, когда он заметил Джоффри, который уже зажал одной рукой рот подонку-шпиону, а другой - вонзил свой тонкий браавосский стилет по рукоять в челюсть; гладкий металл проскользнул сквозь плоть, словно валирийская сталь сквозь песок.

- Ты! - едва не задохнулся Уотерс, отшатнувшись назад, стул за ним упал на пол. Частичка сознания парня ужасалась того удовольствия, что он вскоре почувствует... а другая аж пищала от нетерпения.

- Я, - согласился Джоффри, вытаскивая стилет; мертвый шпион сполз на пол, словно марионетка с отрезанными нитками.

Он мыл руки почти сумасбродно, вода в ведре уже давно покраснела, и он и дальше тер ладонь о ладонь, снова и снова. Закрытые двери за спиной постоянно всплывали в сознании, хоть он и пытался не обращать на это внимания.

Джоффри повторял сам себе, что не хотел этого всего, но все же знал, что сам себе лжет. Он усилием пригасив конфликтующие чувства, сочувствуя той бедной служанке, что завтра утром зайдет в комнату и найдет останки того, кто называл себя Джанетом Уотерсом.

Пришлось изрядно потрудиться, чтобы заставить его заговорить. Он на самом деле боится... точнее боялся лорда Бейлиша.

По крайней мере, я сделал это не ради собственной прихоти, а ради важного дела. Чтобы спасти государство, - сказал он сам себе, продолжая мыть руки.

Юноша склонил голову, пытаясь повернуть ход мыслей к тому, что узнал. Бейлиш знал о местонахождении каждого бастарда Роберта в пределах Королевской Гавани, и даже поспособствовал выдвижению нескольких на более заметные позиции. Он лично приказал Уотерсу все время присматривать за Недом и доложить ему сразу, как Нед зайдет к Мотту и увидит Джендри, помощника Мотта, самого старшего и самого похожего на отца из всех

бастардов.

Все мои жизни... это именно Бейлиш причинил мне больше всего страданий... ну, после меня самого, конечно. Он знает правду о моем рождении и манипулирует Недом, чтобы тот самостоятельно узнал то же самое... это часть плана восхождения на вершину в будущем хаосе...

Бейлиш также более чем щедро заплатил писарю, чтобы тот переписал немало копий одной-единственной книги, большинство из них сейчас были спрятаны в подвале этого здания... кроме одной копии, которую передали лично Петиру. Джоффри разглядывал ту книгу,

"Родословные и история великих домов Семи Королевств" и не смог сдержать вздох. Он имел чувство, что уже знает, что там найдет.

Нужно помедитировать, - подумал он, склонив голову.

Пока Чардрево в богороще Красного Замка тихо шептало под порывами ветра, его сознание погружалась все глубже и глубже, внимание сосредоточилось на нити значений и направлений, созданной костяной пластинкой.

Так же, как он всегда знал, где относительно него находится пластинка, далеко в покоях и под кроватью, если точнее, так же он чувствовал, куда его ведет это нематериальное направление.

Так же, как делал раньше со Львом, он позволил сознанию следовать этим окольным путем, продолжая погружение глубже и глубже, внешний мир медленно растворялся, пока он падал и видел, осязал и чувствовал запах калейдоскопа ощущений, оказавшись где-то глубоко внутри себя самого.

Он мог чувствовать зловещую силу заполненных фракталами столбов, которые словно удерживали реальность, если бы он рискнул посмотреть вверх, он, казалось, мог бы потеряться на целые эпохи, и Джоффри не поддавался искушению, даже не рискнул на мгновение бросить взгляд на головокружительную сущность, которая каким-то образом содержала в себе все, чем он был.

Он продолжал следовать за смыслом, словно он был гончей, которая почуяв кровь дичи и услышав скрежет стали о сталь, чувствовала страсть и мощь и одиночество. Последнее вызвало к метафизическую дрожь в его... он и сам не знал в чем именно. Тело уже не чувствовалось. Ум сам становился телом. Но и чем-то большим. Он превращался в осознание.

Голый разум следовал линии, пока не достиг самой эссенции, сущности таблички, закрепленной толстым, мощным якорем к тому, что, он знал, было им самим.

Он принял это, эту тайну, что была костью, солью и бурей. Но и большим. Это было Значение,

мысль словно завибрировала в уме Джоффри. Искажённые линии, его собственные искажённые линии, часть его самого, которая спокойно соединялись с сущностью таблички, имела сложную структуру, полную разнообразных значений, практически тенью самой таблички через ее природу.

Частица Джоффри была переплавлена, чтобы соединиться с пластиной, с любовью, продуманно, с усилием...

Осторожно. Джоффри осознал, что он оказался на контурах, на краях своей собственной души, обширной сферы смыслов, что охватывала все под ним, вокруг него, но не над ним. Над ним возвышались столбы.

Извилистые линии, привязывали пластину к нему, были очень знакомыми. Он уже раньше видел нечто подобное. Это было бесспорно.

Он протянул все свое понимание до самой таблички, окутывая ее со всех сторон и чувствуя вкус тайны, соли и кости, всю ее форму, состав и структуру, и лишь тогда осознал, что табличка на самом деле никогда его не покидала, она практически была частью его души.

Она все время была здесь. Просто здесь. Именно здесь, подумал он и табличка навалился на него словно лавина. Он открыл глаза и обнаружил табличку между ладонями, словно и держал ее все это время.

Джоффри ухватился за кость трясущими руками, не был уверен, что он уже покинул видение, или еще нет, пока звуки птиц вблизи и свист ветра, которые окружали Чардрево, успокаивали нервы, убеждая в том, что он таки вернулся н.. назад, что почти достоверно было реальностью.

Он медленно дышал, почти неслышно, поднимая табличку почти вплотную к глазу, разглядывая руны и линии и завитки на поверхности так, как никогда раньше не мог. Пластина не несла на себе ни языка, ни руны, не было ни одного послания.

Джоффри понял, что там была изображена грубая карикатура контуров его собственной души... но лишь незначительная ее часть, края маленького пустого пространства, очень похожего на аналогичное видение, которое он почувствовал глубоко в себе, словно прикоснувшись к душе.

- Это же карта... - пробормотал Джоффри с восторгом,

- Карта какой-то части моей собственной души... карта до какого-то якоря, -прошептал он, слова звучали нереально в ушах.

Но что же могло быть тем якорем?

Все, что показывала табличка - это контуры присоединения якоря к чему-то очень специфическому, чему-то, чего сейчас не хватает. Вот в чем была суть пластины. Чтобы привлечь его внимание к частичке души, которой не хватало.

- Мне нужно напиться, - пробормотал он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1852144>